

Перекрёсток

Зима в тот год в Европе выдалась невероятно холодная и снежная. Я имею привычку ездить по местам, где редко ступала нога туриста, и занесло меня в какую-то австрийскую глубинку рядом со Швейцарией. Взбираясь на своем автомобиле по горам, оказался я вечером в горной расщелине, где стояло два небольших дома, один из которых был маленьким горным отелем. Называлось всё это хозяйство «Die Kreuzung», что-то типа «Перекресток».

Подъехав к отелю, уставший от езды по горным перевалам, я имел лишь два желания: поесть и поспать. Второе было серьезнее и, положившись на Волю Божью, я вступил в этот австрийский микромир, затерянный в Альпах. Именно здесь я стал невольным свидетелем пересечения человеческих судеб.

Но тогда об этом и не подозревал.

Меня встретил седой и кругленький австриец, лет шестидесяти, который говорил и по-чешки. Что оказалось для меня большой удачей, так как, не имея предрасположенности к изучению языков, из иноземных освоил лишь чешский.

Хозяина отеля звали Ян, и знание чешского объяснилось очень просто: его мать была чешских кровей. Выглядел он очень импозантно. Красно-зеленая жилетка сидела на его животике как влитая. Но самое большое своеобразие его внешности придавали какие-то сюрреалистические седые бакенбарды и картуз. Такое я видел лишь на фото девятнадцатого века. При этом австриец не был каким-то музейным героем, а выглядел весьма современно. Создавалось внутреннее ощущение, что просто путешествуешь во времени.

Австриец разместил меня в отеле из четырех номеров. Комната была под стать хозяину обставлена антикварной мебелью, которая при этом была очень удобна и функциональна.

Ян приготовил мне какие-то очень вкусные колбаски с перчиками. Хлеб он научился печь у одного проезжавшего болгарина. Отведав этих яств и от души поблагодарив сердечного австрийца, я упал в постель и провалился в сон. Во сне отдаленно слышал какой-то шум, но сил открыть глаза и вслушаться не было.

Разбудил меня солнечный луч, гуляющий по моему лицу. Двухнедельные пурга и снегопады, похоже, закончились. С первого этажа из столовой доносились какие-то невероятно вкусные запахи. Я умылся и очень быстро спустился вниз.

Австриец видимо имел призвание кормить людей. Какие-то чудо булочки-пампушки таяли в моем рту с невероятной скоростью, что очень радовало радушного хозяина, он улыбался, от чего его бакенбарды ходили ходуном по всему лицу. Туда-сюда.

После завтрака он сообщил мне две новости. Ночью в отеле появилась еще одна постоялица – молодая женщина, тоже русская. И вторая новость была более серьезной, в

нескольких местах с гор сошел снег, и дороги к отелю заблокированы, самое малое на неделю.

Хозяин предложил съездить на его машине к перевалу, где сошла одна из лавин. Мы сели на какое-то подобие нашей «Нивы», но более проходимое и комфортабельное. Оказалось, что ночной привал станет моим временным домом не на одну ночь.

Ян рассказал, что чрезвычайные службы уже приступили к расчистке завалов. Такое, он помнит, было лет сорок назад, когда он был еще молодым.

Сверкая неподдельным радушием, австриец успокаивал меня, пока мы ехали ко второму перевалу, который тоже оказался погребен под тысячами тонн снега, что провианту у него хватит на год жизни вдали от мира. А денег возьмет лишь половину... Либо, если выяснится у страховой компании, что он получит компенсацию за чрезвычайное происшествие, то в этом случае он с нас, меня и моей соседки, не возьмет ни евро. Так, неспешно беседуя, мы вернулись в отель.

Хозяин растопил в столовой небольшой камин. И, уютно устроившись в плетеное кресло качалку, я погрузился в чтение, радуясь в душе такому вынужденному затворничеству. Неожиданно появилась возможность вдоволь заняться литературой, благо книги с собой были. Меня радовало это горное местечко, где можно спокойно написать несколько рассказов. Замыслов в голове бродило множество. Идеальной варианта и придумать невозможно. Так, читая «Идиота», незаметно для себя я задремал.

Очнулся от дрёмы по причине чьего-то незримого присутствия. Крутанув головой, встретился взглядом с молодой женщиной, которая сидела за столом и тихо пила чай. Через две минуты появился хозяин, который сразу же начал предлагать госте разные свои кулинарные изыски. Говорили они по-немецки. Женщина как-то достойно от всего отказалась, взяв что-то из вежливости.

Они еще долго говорили, хозяин кивал на меня, указывая рукою в небо. Из чего я понял, что он рассказывает о происшедшем. По лицу такой же вынужденной пленницы пробежала тень расстройства. Но было видно, что она умеет держать себя в руках.

Хозяин еще успокаивающе что-то говорил госте, и потом быстро ушел по переходу, который соединял его дом с отелем. Возможно, готовить нам обед.

Вынужденная пленница налила себе еще чаю и тоже села в кресло-качалку.

Я подкинул в камин еще три полена, и огонь, радуясь, начал их облизывать.

Мы сидели у камина и вели очень неспешную беседу. Спешить действительно было некуда. Соседка рассказала, что сюда заехала случайно, так как у нее отказал навигатор. Во дворе стоял ее «Мини-Купер». Она ехала на самую важную в жизни, по ее признанию, встречу, которой, видимо свыше, было не суждено состояться...

Печаль набегала на её глаза, и тоска чувствовалась в её словах.

Мы осторожно рассказывали каждый о себе. Так всегда начинаются вынужденные знакомства, в поездах и отелях. Люди как бы прощупывают друг друга. Женщина, узнав, что я - писатель, проявила живой интерес, что отвлекло ее от печальных мыслей.

Я незаметно разглядывал соседку. Домашним в ее одежде были лишь белые уютные тапочки. Ее облик был каким-то изысканным и своеобразным. Ничего из привычно-дорогого с брендами не присутствовало в одежде. Очень тонкий вкус были в кофточке и юбке. Она была брюнеткой с каре-зелеными глазами. Фигура не тоненькая, но и не полная, всё в меру. Голос у нее был несколько высоковат, но это гармонировало со всем остальным. Чувствовался в ней при этом пустом и светском разговоре сильный логичный ум. Лет ей было где-то за тридцать, но свежа, и держит себя в форме. Звали её – Вера.

Была она предпринимателем, но углубляться в разговор в сферу её бизнеса я не стал. Понял лишь, что её бизнес имеет интеллектуальное направление, и этого моему любопытству было достаточно. Жила она в Вене.

Посидев у камина часа два, мы решили погулять по горной расщелине, которую нам оставила в распоряжение разыгравшаяся стихия. Было очень интересно смотреть на эти два добротных дома, которые начинал строить возможно прадед хозяина. Камни были подогнаны с невиданной тщательностью, и от них веяло столетиями. Затворниками мы оказались в красивейшем месте. Описать словами мощь и великолепие Альп никому не удалось из писателей. Все веяло покоем, несуетностью и в душу незримо снизошло умиротворение.

Вера заметно успокоилась и смирилась со случайностью, которая отняла у нее возможность самой важной в жизни встречи.

Вдоволь налюбовавшись снежными вершинами, мы вернулись в отель, где всюду ползли вкуснейшие запахи готового обеда. Хозяин, переходя с чешского на немецкий, рассказывал нам об особенностях кухни разных европейских народов. Обогащая рассказ очень живой мимикой. Его бакенбарды бегали по лицу как-то особенно быстро. Ах, какой был обед. Редко где так размеренно и смакуя, удавалось поесть. Вера совсем успокоилась.

Так мы коротали время, сидя у камина, лениво рассказывая друг другу каждый о своей жизни. День пролетел незаметно, и время подкралось к ужину. Это стало очевидно по оживлению хозяина, который вдруг появился с подносом, на котором стояло три вида пива. Он живописал достоинства его домашнего напитка, попробовав который люди неизменно возвращаются в его отель. И как-то искусно переключался с немецкого на чешский. Я, благодаря очень давнему общению с одним мудрецом, не пил много лет даже пива. Вера, как оказалось, всегда довольствовалась бокалом вина. Но австриец был столь убедителен и так печально смотрел, когда мы стойко отказывались, что наши сердца дрогнули.

Ох, если и есть на свете напиток – Пиво, то оно было именно здесь. Какой это был вкус, восточный мудрец напрочь вылетел из моей памяти. Мы наслаждались пивом и покоем,

который снисходил с гор, которые были видны в окно гостиной. Оказывается, выпить пива можно очень много. У Веры совсем исчезло чувство печали. Она очень как-то по-детски веселилась, приговаривая: «Я никогда не была такой пьяной, никогда».

Добавил «масла в огонь» хозяин, вынырнувший из своего перехода с чем-то невероятным на двух блюдах. Оказалось, что это бараньи ребрышки, запеченные каким-то опять же ведомым лишь ему способом и красивый салат. Тут рухнуло второе табу Веры – не ужинать.

А Ян, узрев в нас открытые русские души, начал уговаривать нас принять для аппетита по рюмочке какого-то шнапса, сваренного на травах его отцом. Уговорил.

Выпили. Ребрышки таяли во рту не хуже булочек. Выпили вместе с хозяином еще по рюмочке. Было умиротворенно хорошо. Хотелось петь. И запели какой-то австрийский гимн. Пел даже я, не имевший музыкального слуха. Точнее, пытался подпевать. Потом выпили еще по рюмочке и повторили. Вера два раза воздержалась, так как была уже «хорошенькая». Еще попробовали какие-то копчености.

Хозяин в чувствах подарил мне какую-то местную шляпу с пером. Выпили еще, и не раз. Закончилось все тем, что, распевая во всю глотку Катюшу, австриец довел нас «тепленьких» до своих номеров. Дальше, как говорится, был занавес. Если бы в эту ночь на отель сошла бы лавина, то я бы не услышал.

А утро опять порадовало солнышком и, как ни странно, отсутствием тяжелого похмелья. Было легкое недомогание, которое искушенный в таких делах хозяин вмиг вылечил каким-то настоем трав за завтраком. Ох, я понял, что если жить здесь, то без животика как у Яна не обойдешься. Факт.

Радужный хозяин кормил нас какими-то слойками, у которых тоже была своя история, и её хозяин поведал, жонглируя двумя языками. После чего я твердо решил взяться за немецкий. За пять лет выучу, может быть.

После завтрака, выкурив три сигареты, я предложил соседке погулять. Перед прогулкой, Вера твердо попросила хозяина не искушать её более вкусными излишествами, так как должна соблюдать режим. Ян, грустно подняв брови домиком и играя бакенбардами, со смиренным видом принял её слова как приговор. Грусть-печаль опустилась на хозяина. Но он стойчески и понимающе кивал головой. Сказав, что её просьба – Закон. Я же от ужина не дурак отказываться. На что хозяин отреагировал радостнейшей улыбкой.

Мы гуляли у самого подножия какой-то черной с белыми прожилками скалы, вдали сверкали белые вершины. Воздух был полон каких-то мельчайших частиц, сверкающих на солнце. Такой чистый воздух можно встретить, наверное, лишь здесь. Он, кажется, пропитан вечностью и неуловимым скальным запахом.

Нам с Верой казалось, что мы здесь уже давно. Какие-то барьеры в разговорах исчезли, мы говорили обо всем глубоко и серьезно. Жизненные познания соседки были широки, но

несколько идеалистичны. Что женщине не вредит, зачем ей знать жизнь в её подлинной глубине. Мы чувствовали себя как давние-давние друзья. Так иногда складываются обстоятельства, что мгновенно возникает сильное чувство дружбы, которое также непредсказуемо, как и любовь.

Именно о любви пошел наш разговор. Отчего на ее лицо набежала легкая печаль. Она задумалась, разговаривая немножко невпопад, а потом спросила:

- Можно с тобою посоветоваться по одному самому главному моему вопросу, я сейчас на очень сложном перепутье и не знаю, правильно ли я поступаю?

Я ответил: “Разумеется...”

Мы вернулись в отель, переоделись и устроились в кресла-качалки в гостиной, где уютно потрескивал камин. Вера удобно усевшись в кресле и глядя на огонь начала свой рассказ:

-В моей жизни было двое важных мужчин, повлиявших на меня и на мою жизнь. Первый встретился мне, когда мне было двадцать, и пять лет я следовала за ним, как за стеной, как это ни банально звучит. Он многому меня научил в жизни и многому в бизнесе. Сам он был деловым и целеустремленным, спокойно и без лишних слов решал любые вопросы. Я чувствовала его мужскую силу на уровне энергии, и это давало мне уверенность и спокойствие. Я не жила с этим мужчиной, мы только встречались, общались и работали вместе...

Второго я знала и интуитивно избегала много лет, но случай свел нас несколько лет тому назад. Именно тогда я чувствовала, что судьба готовит мне новую встречу, и была к этому готова. В этот раз возникли интерес, потом влюбленность. На момент нашей встречи он был занят очень серьезным бизнесом. Владел отдельной отраслью промышленности в Сибири. Это были девяностые. Время жесткое, и он был жесток в нем. Три весенних месяца – месяцы встреч, романтики, разговоров и предложение уехать в Лондон. Я начала паковать потихоньку чемоданы с ощущением, что грядут перемены, что я готова начать новое, не только в личной жизни, но и в делах. Чувствовала, что готова заняться какой-то серьезной работой.

Но планам не суждено было сбыться. В девяностых все легко создавалось и так же молниеносно рушилось, унося жизни людей. Ему удалось скрыться. Я осталась в неведении: жив ли он вообще?

Лето было полно слез и потери смысла жизни. Все рухнуло...

Но нужно было как-то жить и выживать... Меркантильных интересов я не имела, в чем он меня потом и упрекал, что не воспользовалась его возможностями....

Я вспомнила идею одной знакомой. И загорелась: «идея- видение- матрица», детали прорисовались быстро. Энергия во мне закипела, и я начала воплощать в жизнь задуманное. Так и родилось моё Дело.

Это и помогло мне тогда выжить и морально, и материально...

Позже он говорил мне: «Не могла ты остаться простой

девушкой ?»...Не могла, видимо, так было угодно Богу. Вначале мне был дан мужчина сильный, за которым я следовала... А потом мне нужно было стать самой сильной и самой выстроить свой путь... Многим позже он высказывал мне: «Ты не следовала за мной !» Но он никуда и не звал. Идти было некуда, поэтому я выстроила свой путь и пошла. Спустя два года, он приехал, все еще скрываясь... Тогда у него была очень серьезная и тяжелая ситуация. В один миг потерять всё, заведено дело, следствие.... Все прекратили позже. Очень ему было тяжело. Я всячески пыталась его поддержать, как могла. Выходил он из этого состояния тяжело и долго. Как он сказал: «Ты разрушила мой бизнес. Твой маленький лучик света проник через панцирь в мою душу, и я дал слабину. Не удержался на самом верху». По высшему смыслу, так и произошло. Но он благодарен этому. Он был загнан, и был рабом бизнеса. Убил свою душу....

Потом шел следующий период - период огранки его души и смягчения всех выросших шипов. Это была его внутренняя работа, духовный поиск и рост. Последние годы он занимался философией. Мы жили как бы параллельно. Переехали несколько лет назад не в Лондон, а сюда в Австрию в Вену. Конечно, я ждала, что он, восстановившись, станет заниматься делом. Не важно, каким.. Для мужчины главное - состояться в деле. Но эта материя больше его всерьез не интересовала. Он искал разные идеи.

Что-то пытался делать. Я пыталась помогать. Каждый раз надеясь и веря, что всё получится. Но всё заканчивалось, не начавшись. Не брался он всерьез за дело, чтоб основательно. Первые годы я понимала, что ему нужно время прийти в себя. Затем терпеливо ждала. А сейчас устала. Мне не нужны от мужчины деньги. Всем необходимым я уже давно сама себя обеспечиваю. Свою нематериальную заинтересованность я ему уже доказала. На это тоже ушли годы. Все это время ему было важно принципиально, что я принимаю его таким, какой он есть. И я это делала. Я и сейчас ни в чем его не упрекаю. Понимаю его. И принимаю... Но! Вопрос: «Как кого?»

Этот вопрос возникал у нас периодически. Мы неоднократно расставались, сохраняя близкие отношения. Оба поняли, что когда мы на расстоянии, то вопросов друг к другу нет. Каждый уважает путь каждого, свободу другого. Но для семьи этого недостаточно. Семья- это еще единый дом, который тоже должен быть. Семья - это общая ответственность за детей. Семья – это общие усилия. В моем же случае будет только то, что я сама смогу сделать. Да, многие годы много времени отдавала бизнесу и растила Дело как ребенка. А ребеночка родить не решилась. А случайно, как бывает, не произошло. И как планировать ребенка, когда твой мужчина периодически уходит в поиски. Как друг, я к нему с пониманием.. А как женщина - с неуверенностью...

Вот так, если в общем и хронологически, не углубляясь в нюансы и детали, эта ситуация складывалась годы. Все откуда-то берет свое начало и имеет свой конец. В этот раз я приняла решение - уйти. Уйти, по-настоящему. Он это понимает. Всегда мы расставались, «не расставаясь», а сейчас другая ситуация...

Я еду в Цюрих. К другому мужчине. Я с ним еще не встречалась вживую и видела только в скайпе. Но мы с первой минуты поняли друг друга. И даже молчали с ним на одной

ноте, просто глядя друг на друга. Это другого порядка человек. Человек Дела! Для него оно на первом месте. Я устала быть сильной.

Долго вообще не смотрела на других мужчин, но вот я открылась миру. И мне дан выбор. Как ты считаешь? Как я должна поступить?»

По её лицу бежали слезы, и выглядела она потерянной. Я не знал, что ответить этой не понимающей саму себя женщине. Помолчав минут десять, я сказал очень спокойно:

- Знаешь, Вера, дать какой-либо совет в этой ситуации невозможно, могу лишь с уверенностью сказать, что твое сердце поможет тебе сделать выбор.

-Спасибо тебе, Друг.... Наверное, никакой совет мне и не нужен. Время и Бог всё расставят по своим местам. Но я еду в Цюрих, давай-ка попьём чайку.

Мы так же бесподобно провели день и вечер. Наш хозяин вкусно нас кормил, но стойко не предлагал Вере излишеств. От ужина она отказалась и была грустна. Потом очень рано ушла к себе.

Утро было опять солнечным. Проснулся я поздно. Хозяин сообщил мне радостную весть, что со стороны Швейцарии расчистили дорогу, и Вера уехала, оставив мне письмо. Еще он, играя бакенбардами, сообщил мне, что страховая компания ответила, и ему заплатят кругленькую сумму. Австриец стал настойчиво предлагать мне остаться хотя бы на несколько дней. С отъездом Веры возникла какая-то непонятная пустота в душе. Я не стал заставлять себя долго уговаривать и согласился. Яна эта новость неподдельно обрадовала и он, как-то игриво притопывая, умчался творить свои кулинарные шедевры.

Письмо Веры было очень коротким: « Спасибо, дорогой Друг, что ты встретился на моем пути. Я что-то поняла, но Что – не знаю. Давай постараемся не потеряться в этом огромном мире». В письме была визитка.

Два дня я читал и писал. Наслаждаясь окружающим пространством. Вера всё не уходила из моей памяти. Может, её искренность и печаль так тронули, не знаю.

Хозяин все удивлял своим кулинарным искусством. Нежданные австрийские каникулы явно удались.

Я сидел на лавочке во дворе и курил. К отелю подъехал какой-то маленький Фиат. Австриец побежал встречать гостя.

Рядом с хозяином, что-то объяснявшим по-немецки, по двору шел высокий мужчина без шапки, погруженный в свои мысли. Мы поздоровались, кивнув друг другу, и я посмотрел в его серо-голубые глаза. От этого взгляда мороз пошел по коже, и захотелось бежать куда-нибудь. Я не знаю, что было в этом взгляде: боль, сила, скорбь? Тяжелый взгляд, хотя это было мгновение лишь. Казалось, его глаза проникают в самые заветные уголки

души. Было неприятно и одновременно томительно интересно. Да, непросто так этот мужчина оказался здесь. Совсем непросто. И в этом я оказался прав.

Мужчина пошел с австрийцем обустроиваться в отель, а я продолжал сидеть, созерцая альпийский закат. Чуть замерзнув, пошел в гостиную к камину.

Подкинул два полена. Пытался поймать мысль и ощущение, которые остались от короткого контакта с новым соседом. Фантазия рисовала разные варианты и характеристики этого человека. Самое близкое, что пришло в голову – какой-то гибрид героев Достоевского, сошедший с книжных страниц. Так сидел я, глядя на огонь, размышляя о предстоящем знакомстве с этим загадочным человеком.

Мои размышления прервал голос, раздавшийся за спиной, от которого я вздрогнул:

- Как она себя чувствовала?

- Кто?

- Вера....

- М.... хорошо.....наверное....

Я растерялся и не знал, что ответить. Такое случается лишь в дешевых драмах, которые я не пишу. Разные потоки мыслей о Вере и об этом мужчине соединились как две реки в одну и побежали далее вместе. Мужчина сел в качалку и молча уставился в огонь. Смотрел на языки пламени каким-то окаменевшим и не моргающим взглядом. Ощущение дискомфорта вернулось ко мне, хотя ни малейших оснований для этого не было. Боковым зрением я смотрел на нового соседа. Чуть сутулый, шатен, прибалтийский или ярко-выраженный европейский тип лица, такими шаблонными словоформами я описывал себе его, разглядывая исподволь, одет просто и без изысков в черный костюм, по которому не определишь социальный статус...

-Да расслабьтесь Вы, - опять неожиданно, что я вновь вздрогнул, сказал сосед, - я знаю, что находясь в таком состоянии иногда могу погружать, сам того не желая, окружающих людей в чувство дискомфорта, а иногда и паники. Не затем я здесь. Меня Андреем зовут.

Мы обменялись рукопожатием, я назвал себя. И новый знакомый опять погрузился в молчание. Сколько длилось оно - не знаю. Я пытался сконцентрировать свои мысли, но они как-то разбегались, прыгая от Веры к Андрею, как теннисный шарик.

-Вера уехала познать разочарование, но это её право и её выбор, - вновь заговорил Андрей, - не говорить с вами она не могла, потому что такие места, как этот отель – это её места. А вы хороший человек. Из мыслящих. Я вам тоже расскажу, но не много. Самую

суть, чтоб картина была более полной. Когда-нибудь мы поговорим о жизни, обо всем, но не сейчас, в другой раз. Мы встретимся, я знаю....

И он опять замолчал. Прибежал хозяин, суетясь и предлагая что-то, но я

как-то коротко и ёмко попросил не мешать. Почувствовав ситуацию, австриец исчез.

- Я ехал догнать её и отговорить, - продолжал сосед, - но завтра вернусь обратно и не буду этого делать. Значит, так предписано тому быть.... Я не всегда еще могу понять. Это... Обычно-человеческого во мне мало осталось. Конечно, как все люди, могу испытывать эмоции: радоваться, грустить, ревновать, особенно впадать в гнев, быть веселым и грустным. Но самая большая задача, которую человек может осуществить в жизни – это победить себя. Во многом я победил.

У меня мироощущение как у маленькой клетки большого единого организма -большого мироздания. А другое восприятие – обычное, человеческое. Как-то сосуществуют два в одном. Сюда я несся как оскорбленный мужчина, а сейчас уже воспринимаю всё как философ, наверное. Дурацкое это слово – «философ», сродни «придурку»....

Андрей опять замолчал, неотрывно глядя в огонь. А я пытался осмыслить сказанное им, и соединить в одно целое двух таких разных людей. Не соединялось.

Историю нашу вы знаете, - еще тише продолжал сосед, - пусть будет свободна как птица от разных форматов отношений, и от меня в том числе, ей это сейчас нужно. Да, правильно думаете, странная мы пара: идеалист и максималист. Но так предначертано. Для меня Семья – это соединение двух душ в вечности. А жизнь – это всего лишь участок пути. Она такая разная, наша жизнь, порой с неожиданными зигзагами и поворотами. Неизвестно, что ждет впереди.

Мы очень долго мучили друг друга, ломали, переделывали под себя, под свои цели. Но здесь я сумел одолеть себя и принял Веру такую, какая она есть. Даже сейчас, ушедшую к другому мужчине. Ждал от неё того же. Она очень заботливо относилась ко мне, но в душе ждала, терпеливо ждала, когда я дам ей то, чего она ждет от меня. А я не давал, хотя мог. Есть препятствие высшего порядка. Либо «в печали и радости, либо никак»....

Вот такое, блин, «кольцо мёбуса». А пойти на соглашение, не решив Главного - это конформизм. Как бы брачный контракт. Ты делаешь Дело – я твоя жена. Не могу. Только по высшему порядку: я – твой мужчина до гробовой доски, в любой ситуации, и ты – моя. И никак иначе. Всё остальное потом. А не наоборот. Так было всегда...

Хотя Вера – самый чистый и хороший человек, каких я более не встречал в своей непростой жизни. Но вот это главное препятствие не дало нам стать единым целым - семьей. Вот так могут заблудиться двое умных и мыслящих людей.

Но есть и другой малый закон жизни: если женщине не дать того, чего она хочет, то она сама это возьмет. Пусть.... Важен итог этого всего, а он еще далеко впереди.

Пусть будет так, как будет.... С Богом....

Андрей встал и ушел к себе в номер. А я еще долго не мог прийти в себя от услышанного. Глубина, с которой он всё это говорил, вызывала оторопь, по спине ползли мурашки. Я пытался понять его голос, тембр. Но как описать гортанное пение шамана. Так же и в этом случае. Говорил не он, говорила его душа. Какие боль и надлом! И это в Европе, которая привыкла к легкости восприятия и отношений. Истинно русские, однако.

В эту ночь спалось плохо, лезли мысли о суетности бытия, о бессмысленности человеческих усилий в этой жизни. Андрей разбудил во мне, сам того не желая, целый пласт мыслей. Очень глубоких мыслей. Пришлось выпить снотворное и кое-как уснуть.

Утром я встал поздно, соседа уже не было. Болела голова, не радовал уже и австриец со своими деликатесами, и альпийские виды. Дорогу со стороны Австрии тоже уже очистили. И я собрался следующим утром в путь. Из головы не выходили Андрей и Вера. Они были оба со мною, в моих мыслях, в моей душе.

Тягуче прошел день.

Когда взошло солнце, я собрался в путь. Австриец был неподдельно печален. Прощаясь, обнял меня, что для европейца редкое явление. Упаковал мне с собою пива и каких-то вкусностей. Я обещал вернуться в его «Перекресток». А ведь действительно, перекресток человеческих судеб.

Вернулся в Прагу, жизнь пошла своим чередом. Воспоминания об отеле и странной паре как-то сгладились, точнее, утратили свою сочность. Вера писала, иногда звонила. Два раза мы встречались, когда она бывала в Праге. Андрей писал очень редко и звонил еще реже. Но любое письмо заставляло задуматься о чем-то очень серьезно.

Съездив в Цюрих, Вера не разочаровалась, но и не очаровалась новым мужчиной. Но по мере развития отношений он всё более импонировал ей, пришла влюбленность. Она рассказывала: «Он очень обстоятельный, русский по происхождению, не жил в России, но бывает там часто по делам. Занимается финансированием в алмазной отрасли. У него два дома: один под Цюрихом, другой в Майами. Любит горы, альпинист, очень сдержан в поведении, но всегда внимателен к женщине».

Прошло где-то с полгода, и Вера сообщила мне, что переезжает из Вены в Цюрих. Будет пытаться строить свою новую жизнь. Об Андрее она как-то деликатно умалчивала, сказав только, что он переехал из Вены в Варшаву.

Андрей в беседе по скайпу сказал, что вынужден заняться делами. Появились задачи высшего порядка. И теперь он половину времени будет находиться в России.

Медленно бежала река времени. Общение с Верой становилось всё реже. Но в те редкие моменты, что мы беседовали, глядя друг на друга в монитор, я стал замечать некоторую появившуюся печаль в глазах. Она рассказывала, что мужчина хотел бы, чтоб она оставила свой бизнес и занималась только семьей, благо материальных вопросов никаких нет. Но представить Веру, при всей моей писательской фантазии, сидящей мирно у семейного очага, я не мог. Мужчина же настоятельно требовал этого. Корректно, но настойчиво. Пока им удавалось находить компромисс, благо они были вместе всюду и в России.

Андрей ушел в дела, общение с ним стало очень редким. Коротко сказал мне, что развивает какую-то финансовую сеть на девять городов, которая может работать в любых политических и государственных условиях. Лишь в Северной Корее не сможет. Доделав эту систему, уйдет вообще из дел и будет заниматься далее Познанием жизни и идти к Богу. Что это значило, я не стал спрашивать.

Позже Вера стала звонить чаще, говоря, что ей не хватает настоящего и глубокого человеческого общения. Мужчина занят делами, в свободное время, также обходителен и внимателен, но не желает вести смысловые разговоры. Жизнь приобрела какой-то технологический оттенок. Пока спасает общение, которое она получает в России. Бизнес оставлять она не собирается. Мужчина её тоже устраивает. Всё в целом сложилось.

Прошло года два, может быть чуть больше. Всё шло своим чередом. Конфликт Веры с мужчиной приобрел некоторую остроту, так как она не могла обмануть свою команду в бизнесе, которая верила в нее как в лидера. Мужчина же хотел гарантированного семейного счастья.

Андрей отстроил свою финансовую сеть и занялся настоящим «делом», по его словам, вернулся в Сибирь, ушел совсем от людей и живет где-то в тайге один. Рядом у него настоящий верный друг - пёс. Совсем уж редко выходит на связь, лишь когда бывает в "цивилизации".

Так бы возможно и шло наше знакомство в вялотекущем режиме, но судьба иногда закладывает неожиданные повороты, которых мы никак не ожидаем.

Появились кое-какие дела в Москве, и я вынужден был ехать в этот неприветливый город. Вера тоже сообщала, что будет в это время там, и хотелось бы встретиться. Очень уж утомила её благополучная Швейцария. Но встреча у нас произошла очень необычная.

В один из дней я сидел у компьютера, как раз в сети появился Андрей. Но раздался телефонный звонок от Веры, что бывало очень редко. Обычно общались в скайпе. Очень взволнованным голосом она сообщила, что её мужчину увезли какие-то очень серьезные люди, которые готовы на всё. Он заключил какой-то алмазный контракт, что-то не срослось, и начались проблемы. Большие проблемы. Люди хотят очень много денег. Чувствовалось, что Вера держит себя в руках, но это дается ей с трудом. Я сказал, что перезвоню ей.

Тут же стал набирать в скайпе Андрея. Дозвонился быстро и изложил, что знал о происшедшем. Он спокойно выслушал и сказал: «Ничего не предпринимайте, ничего! Ждите меня.» Записал мой адрес и телефон, попросил выяснить телефон и адрес Веры и сбросить ему.

На следующий день события развивались очень стремительно. Вера попросила приехать к ней, так как очень тяжело находиться одной в такой ситуации. Я приехал в какой-то небольшой уютный отель на Чистых прудах. Мы сидели и строили версии, что может быть.

Прошло часа три и в номер вошли по виду очень суровые и хорошо одетые люди вместе с Вериним мужчиной, который стал объяснять необходимость, чтобы она вместо него осталась с ними. Он поедет в Швейцарию и будет решать вопрос. Выглядел он неважно и просяще смотрел на своих повелителей. Вера смотрела на него и хлопала глазами, не веря происходящему. Мужчина нес какую-то оправдательную чушь. Всё происходило как в дешевом детективе. Но это была Россия – непредсказуемая страна.

Вера как-то подтянулась и сгруппировалась, но побледнела. Сказала, что пусть так и будет. Она верит, что всё в итоге будет хорошо. И взяв свою сумочку пошла с людьми.

Я же остался один в номере с её женщиной. Меня он и не замечал вовсе, быстро начал собирать вещи и бросил себе под нос: «Пусть сама выпутывается, в жопу их и Веру, и Россию...».

Я вышел в коридор, мысль у меня работала быстро, я понимал, что наносу ей удар в самое сердце, но речь шла о её жизни. Я сбросил ей СМС-ку, что сказал дословно её мужчина. В ответ получил: «Ничего не предпринимай».

Я вернулся в номер, но мужчина чуть не сшиб меня в дверях. Когда я спросил его, куда он бежит, то в ответ получил: «Да, пошли вы все...»

Ситуация была патовая. Чтоб как-то всё обдумать, я вернулся в съемную квартиру, включил компьютер и сидел, тупо пялясь в монитор. В голову ничего не приходило. В ментов, которые способны решать такие вопросы, я не верил.

Через час раздался звонок в дверь, на пороге стоял бородатый Андрей, который рявкнул: «Ну, что стоишь, быстро... поедешь со мной» Я стал рассказывать ему о Вере, но он обрубил: «Знаю, опоздал, но всё к лучшему».

У подъезда стояли два Мерседеса.

Мы сели в машину на заднее сиденье, на переднем ехал солидный лысый мужчина с легкой бородой. Через полчаса мы подъехали к какому-то красивому двухэтажному дому, возле которого стояли те суровые люди. Лысый мужчина, Андрей и еще двое человек из другого Мерседеса медленно подошли к ним. За руку не здоровались, и чуть погодя из особняка вышел маленький такой толстячок. Разговаривали на расстоянии двух метров. Прошло полчаса, лысый мужчина махнул толстяку рукой вверх, как бы «Адыю».

Андрей подошел к автомобилю открыл дверь, улыбаясь, сказал: «Все позади, мой друг-чеченец помог всё решить, дождись Веру и отвези её в отель, я позже приеду», я кивнул головой, а он ушел и сел во второй Мерседес, который тут же рванул с места.

Через пятнадцать минут подъехала серебристая Ауди-6. Какой-то непомерно накачанный юноша открыл дверь и галантно подал руку. Из авто вышла Вера, отказавшись от предлагаемой руки. Она была бледна и собрана.

Я выскочил из Мерседеса, и на её лице мелькнуло подобие улыбки. Верзила протянул Вере пакет, она молча его взяла. Мы сели в машину и поехали по темнеющим уже улицам. Мы возвращались в обычную жизнь, по улицам шли люди, спеша к своим квартирам. Вокруг всё было мирно и суетно.

Минут пять она молчала, а потом спросила, что сказал её мужчина. Я повторил дословно. Она еще раз переспросила. Затем достала из пакета свою сумочку, из неё телефон, в который ткнула изящным ноготком. Сигнал долго не шел, потом все-таки последовал ответ. Вера лишь спросила: «Что делать?» И даже я услышал ответ: «Выпутывайся сама, как знаешь, прощай». И раздался отбой. Её рука безвольно упала. По щеке бежала одна слезинка.

Мы приехали в отель, водитель открыл дверь и помог Вере выйти. Мы с ней зашли в отель, говорить не хотелось. Я старался не смотреть ей в глаза.

Поднявшись на второй этаж в номер, я упал в кресло и сидел, осмысливая происшедшее. Вера сидела в другом кресле, и я коротко рассказал ей, как развивались события. Она не задала ни одного вопроса.

Через минут пять, как я закончил свой блиц-рассказ, дверь в номер открылась, и вошел Андрей. Они минуты две молчали и, улыбаясь, смотрели друг на друга, ничего не говоря. А потом бросились друг к другу. И тут Вера расплакалась. У него глаза тоже покрылись поволокой. Андрей гладил её по голове и всё повторял «Всё будет хорошо, моя девочка, всё будет хорошо, всё позади, и перекресток позади, мы теперь всегда будем вместе. Всегда и в этой жизни, и после....»

У меня тоже набегали слезы, и я вышел в коридор, чтоб не смущать их.

Из Москвы Вера с Андреем улетели в Сибирь в его таежное имение, надолго ли – не знаю. Мы договорились встретиться в отеле «Die Kreuzung» ровно через месяц.

Как потом узнал, её швейцарский мужчина решил из Москвы ехать поездом, но в Цюрихе на вокзале его встречали суровые люди. Что было с ним дальше – я не знаю...